

Он всё ещё не мог забыть Цинь Цзыяня. В конце концов, Цинь Цзыянь был первым другом, которого он завёл в Академии Шэн Ло. Люди говорят, что первое впечатление самое сильное, и когда попадаешь в незнакомое место, к первому человеку, с которым знакомишься, начинаешь испытывать особые чувства, которые часто бывают очень глубокими.

Цинь Цзыянь произвёл на него очень хорошее впечатление. Благодаря «Бумаге и Туши» он восхищался такими людьми, как Цинь Цзыянь. В группе «Девять сыновей дракона» он видел фотографию Бумаги и Туши, и сам Цинь Цзыянь был ещё более ярким, чем его таланты. Когда он впервые увидел Цинь Цзыяня, ему показалось, что тот обладает той же аурой, что и Бумага и Тушь.

Услышав от Сяо Нина историю Цинь Цзыяня, он не мог не почувствовать сострадание, но также и восхищение его отношением к жизни. В столь юном возрасте пережить семейную трагедию, потерять родителей и не получить поддержки от родственников и друзей — для него это было бы настоящим ударом. Возможно, он бы сдался и опустил руки раньше, чем Цинь Цзыянь.

Он не знал, каким был Цинь Цзыянь в прошлом, но был рад, что тот смог восстановить уверенность в себе. Если бы не та ситуация, он был бы ещё счастливее. Человек должен жить полной жизнью, ведь в мире есть те, кому повезло больше или меньше, и важно просто жить своей жизнью.

Ли Синь думал, что смерть Бумаги и Туши была просто несчастным случаем, но когда он услышал от Цинь Цзыяня, что тот погиб, уступая ему дорогу, это стало для него ударом. Он не помнил, что чувствовал в тот момент, и в смятении выбежал из студенческой столовой.

Он просто не хотел видеть Цинь Цзыяня, боясь, что не сможет сдержать себя и ударит его.

Бумага и Тушь были человеком, которым он искренне восхищался и уважал. Он ценил его талант и манеру общения, а также дорожил временем, проведённым вместе, наблюдая, как Бумага и Тушь растёт вместе с «Девятью сыновьями дракона», как он становится популярным и достигает вершины успеха.

Люди всегда так поступают: когда что-то есть, они думают, что впереди ещё много времени и возможностей, поэтому растрачивают их бездумно. Когда совершают ошибки, находят оправдания, что исправят всё позже. Когда сожалеют, ищут пути назад, говоря, что времени ещё много. И только когда теряют, понимают, что в мире нет ничего вроде «Если бы я знал раньше».

Ли Синь понимал, что он сам такой же. Сколько раз он говорил в группе, что встретится с Бумагой и Тушью, но так и не сделал этого. Теперь, когда тот умер, он пришёл туда, где тот жил, чтобы вспоминать? Чтить память? Сожалеть? Всё это ерунда!

Ли Синь знал, что он избегал не Цинь Цзыяня, а самого себя. Узнав правду, он тайком плакал в своём маленьком «Жуке» несколько часов, а потом два дня избегал Цинь Цзыяня. Он знал, что вёл себя глупо, но не знал, как справиться с тем, что натворил в тот день.

Сказать, что он совсем не винит Цинь Цзыяня, было бы неправдой.

Если бы не Цинь Цзыянь, Бумага и Тушь не погибли бы. Но это был выбор Бумаги и Туши. Он выбрал защитить своего ученика и взял весь риск на себя. Если бы он просто нажал на тормоз и врезался, Цинь Цзыянь, возможно, не умер бы, но получил бы серьёзные травмы.

Но Бумага и Тушь не сделал этого, так что какой смысл винить Цинь Цзыяня?

В воинской части дали только полдня на отдых, а на следующий день, едва рассвело, их подняли на пробежку, начав строгую тренировку, ничем не отличающуюся от подготовки профессиональных солдат. Единственное послабление заключалось в том, что они тренировались на аллее под деревьями, а не на открытом тренировочном поле под палящим солнцем.

Цинь Цзыянь вдруг понял, как хорошо было быть учителем, сопровождающим студентов на военную подготовку. Хотя ему тоже приходилось рано вставать и поздно ложиться, он хотя бы не тренировался. А студентам приходилось вставать на рассвете, бегать на пустой желудок, завтракать в 7 утра и сразу после этого начинать тренировки.

К этому времени, если кто-то продолжал вести себя легкомысленно и не понимал серьёзности ситуации, строгий инструктор не знал пощады. Таких сразу вытаскивали и заставляли стоять в стойке смиренно под палящим солнцем, что было самым обычным, но и самым мучительным наказанием.

— Втяните живот, грудь вперёд, голову держите прямо, смотрите вперёд, плечи назад, стойте ровно, руки прижаты!

Цао Ци, потеряв всю свою первоначальную мягкость, с каменным лицом командовал, перемещаясь среди строя:

— Листья держите крепко, у кого упадёт, тот будет стоять на солнце ещё полчаса. Всем внимание!

Услышав это, все в строю сразу выпрямились, стараясь собраться с силами. Они уже стояли больше получаса, и их дрожащие руки едва удерживали листья, прижатые к бёдрам. Жгучее солнце, пробивавшееся сквозь листву, казалось ещё более невыносимым, а пот стекал по щекам, пропитывая виски.

Целую утреннюю тренировку они провели, стоя в стойке смиренно. Даже во время отдыха они оставались в строю, отрабатывая правильное положение: поправляли фуражки, воротники, манжеты и ремни. Всё это они повторяли снова и снова, даже в перерывах.

Энтузиазм, с которым они приехали в воинскую часть, давно сменился крайней усталостью от изнурительных тренировок. Уже через полдня из женских рот пришло сообщение, что одна из девушек потеряла сознание от теплового удара. Видно было, как представители Студенческого совета бегали туда-сюда, и даже Цюй Мохань несколько раз прошёл мимо.

В 11:30 утренняя тренировка наконец закончилась, и наступило время настоящего отдыха. Следующая тренировка начиналась в 13:30, так что у них было два часа на перерыв. Никто раньше не испытывал таких длительных физических нагрузок, и все уже были голодны до изнеможения.

Когда все уже готовы были с радостью броситься в столовую роты, Цао Ци скомандовал, и все вынуждены были встать в строй. Учтывая, что это был их первый день тренировок, Цао Ци не стал их наказывать, а лишь отругал и повёл отряд обратно в одиннадцатую роту, чётко выдерживая шаг.

Вернувшись в роту, они построились по взводам: первый, второй, третий, и продолжали стоять в стойке смиренно, пока командир роты не произнёс девиз «Бережливость и трудолюбие». После

этого они вошли в столовую, расположенную рядом с зоной отдыха третьего взвода.

У каждого в столовой было своё место, и менять его было строго запрещено. На столах уже были расставлены обеды, приготовленные поварами и помощниками из студентов. Когда третий взвод вошёл в столовую, все встали на свои места и сели только после команды командира роты.

— Наконец-то можно поесть, чёрт возьми, эта тренировка просто невыносима. Я ошибся, мне следовало перевестись после окончания военной подготовки.

Ли Синь, держа в руках миску, выглядел так, будто готов был заплакать от отчаяния.

Цинь Цзыянь взял салфетку и вытер лицо. Если бы это была его старая физическая форма, такая тренировка не составила бы для него труда. Но сейчас его тело ещё не успело восстановиться за ночь, и он едва держался, не зная, сколько ещё сможет продержаться.

Однако, если он хотел изменить свою физическую форму, такая возможность была бесценной.

— Цзыянь, ты в порядке?

Стол четвёртого отделения находился позади них, и Цинь Цзыянь с Сяо Нином сидели спиной к спине. Сяо Нин обернулся и, увидев, что Цинь Цзыянь только начал есть и уже задумался, обеспокоился. С момента прибытия в воинскую часть Цинь Цзыянь выглядел неважно.

— Может, попросишь у инструктора день отдыха перед тренировкой? — предложил Е Чжичэнь.

Цинь Цзыянь улыбнулся и покачал головой:

— Всё в порядке, просто нужно привыкнуть. Давайте быстрее поедим, чтобы успеть отдохнуть.

Цинь Цзыянь посмотрел на еду перед собой. Вокруг уже раздавались жалобы. Честно говоря, сколько бы раз он ни приезжал в воинскую часть, он так и не привык к местной пище. Что можно ожидать от еды, приготовленной в огромных котлах? К тому же, она не была разнообразной, ведь они здесь для тренировок, а не для отдыха.

— Кстати, Ли Синь, зачем ты перевёлся в Академию Шэн Ло?

Е Чжичэнь, закончив есть, повернулся к Ли Синю. В баскетбольном клубе он участвовал в различных изнурительных тренировках и уже привык к такой простой пище, быстро справившись с обедом.

Ли Синь на мгновение замер, машинально взглянув на Цинь Цзыяня, но быстро вернул себе весёлое выражение лица и с горящими глазами ответил:

— Разве я не говорил? Я перевёлся ради своего кумира. Кто бы мог подумать, что здесь будет такая адская военная подготовка!